

Мирон Капраль

**ПРАВОВОЕ УСТРОЙСТВО
АРМЯНСКОЙ ОБЩИНЫ ЛЬВОВА
В XIV-XVIII ВЕКАХ
ОБЗОР ДОКУМЕНТОВ**

Истоки правового регулирования украинских армянских общин исследователи ищут в Киевской Руси. Основанием для этого считают грамоту, предоставленную армянам неким князем Федором Дмитриевичем в 1062 г., которая содержала приглашение армянам переселиться на Русь. Эта грамота официально зафиксирована 21 октября 1641 г. при внесении в книги Метрики Коронной в Варшаве¹. Сомнения в ее подлинности были встречены возражениями², но дискуссии не получилось.

По мнению польского ученого О. Бальцера, который всесторонне изучал правовое положение украинских армян в средневековье, армянская община Львова в княжеские времена имела собственного войта и отдельную юрисдикцию³, хотя, кроме подвергнутой сомнению грамоты 1062 г., документальных свидетельств в подтверждение этой мысли больше нет. Поэтому магдебургскую привилегию 1356 г. мы считаем надежной точкой отсчета правового обеспечения армянской общины во Львове⁴.

Из перечисленных в привилегии 1356 г. национальных общин (украинцы, армяне, евреи, татары, сарацины) только армяне смогли максимально воспользоваться возможностью организации собственных автономных органов самоуправления и судопроизводства. Судя по другим документам церковного характера на армянском языке 60-80-х гг. XIV в., во Львове существовала довольно многочисленная армянская община с развитой социальной и церковной структурой⁵. В 1379 и 1380 гг. армяне, которые “жили как в городе, так и за стенами города”, получили подтверждение своего правового статуса от польских и венгерских королей – соответственно королевы Елизаветы и короля Людовика⁶. Община сохранялась при “их обычаях, а именно при войте, епископах, священниках, церквях, во всех иных пользах и правах”. С переходом Львова и Галицкой Руси под правление Польского королевства армяне подтверждают у Владислава II Ягайлы две юрисдикционные привилегии 1379 и 1380 гг.⁷

Основным занятием львовских армян была торговля с восточными краями как наиболее прибыльная деятельность в транзитном Львове – “восточных воротах” Польского королевства. Но в конце XIV – начале XV в. вследствие военных действий восточное направление торговли было временно закрыто, поэтому в 1402 г. армяне постарались раздобыть привилегию на торговлю во всем Польском королевстве, хотя в документе и не было речи о льготной торговле без уплаты таможенных пошлин⁸. Эта привилегия была подтвержденная Казимиром IV только 23 ноября 1462 г.

Армяне в сравнении с другими львовскими жителями особых льгот в торговой деятельности не имели, о чем может свидетельствовать привиле-

гия короля Александра от 6 мая 1505 г.⁹ Король освободил армян (как и других жителей Львова) от таможенных пошлин, но оставил ежегодную уплату налога 30 коп польских грошей. Также из этого документа узнаем, что перед предоставлением привилегии армяне были отягощены еще одним налогом: они платили отдельную львовскую таможенную пошлину от товаров, стоимость которых превышала 30 коп польских грошей. В 1507 г. новый польский король Сигизмунд I разрешает королевским таможенникам взимать от львовских купцов-армян половину таможенной пошлины. И только в 1509 г. он подтверждает привилегию короля Александра об освобождении армянских купцов от таможенных пошлин¹⁰. В 1524 г. Сигизмунд I двумя мандатами освободил армянских купцов от уплаты новой, недавно установленной таможенной пошлины, но сделал это, оставив в силе уплату определенной суммы (очевидно, упомянутой в документе 1505 г. суммы в 30 коп польских грошей).

По традиции во Львове существовало армянское войтовство – это удостоверяет не только привилегия 1379 г., но и другие документы второй половины XIV в.¹¹ Тем не менее, реально институт армянского войтовства не получил одобрения королевской власти в каком-либо дипломе, где четко были бы выписаны все основные положения его юрисдикционного статуса и установлено его права. Вследствие этого возникли недоразумения между городским советом (магистратом) и армянской общиной. В 1444 г. король Владислав III решает спор относительно права армянского войта на прибыли с двух резничих (мясницких) лавок¹². После отмены армянского войтовства община несколько раз в XVI в. подтверждала это существенное для давней экономики право¹³.

Именно относительно армянского войтовства во второй трети XV в. разгорелся конфликт между магнатской семьей Одровонжов и городской властью Львова¹⁴. Во время наибольшего усиления влияния в королевском дворе львовского старосты и воеводы Андрея Одровонжа, который был заинтересован в ослаблении городской власти, армянское войтовство за королевской привилегией от 23 ноября 1462 г. получило полную самостоятельность от городских судов, и судебная автономия львовских армян стала абсолютной¹⁵. Однако после смерти в 1464 г. воеводы Андрея Одровонжа городская власть Львова в 1469 г. добилась иной привилегии, по которой армянское войтовство ликвидировалось как отдельное правовое учреждение. Обеспечивать судопроизводство среди армян имел в полном соответствии с привилегией 1356 г. городской войт вместе с армянскими старшими – по нормам магдебургского права.

В этих судебных баталиях относительно отдельного войта армяне проиграли, но внутренне крепкая община и дальше стремилась отстоять автономную юрисдикцию уже в рамках магдебургского права. Во второй половине XV в. польские короли дважды — в 1476 и 1493 гг. — уточняли и регулировали правовые взаимоотношения, которые складывались после отмены отдельного армянского войтовства¹⁷. Регулирование касалось распределения штрафов вследствие деятельности суда, порядка проведения су-

дебного расследования, отсылки противоречивых дел в высшую судебную инстанцию и формы присяги армян. Тем не менее, споры между армянами и городом относительно судебной компетенции продолжались и в дальнейшем. Сигизмунд I попытался декретом от 2 марта 1510 г. разграничить полномочия городского и армянского судов¹⁸. К исключительной юрисдикции городского суда были отнесены дела о недвижимом имуществе и наследовании, об убийствах, о кражах, о насилии и ранениях. В следующих королевских документах это положение получило название “четырёх статей”, которые рассматривались только городским лавничим судом. Все другие дела, в которых заинтересованными сторонами были армяне, должны были рассматриваться на армянском суде, который образовывали совместно городской войт и армянские старшие.

В 1518 г. король Сигизмунд I подтвердил декрет от 1510 г. и снова уточнил правовые проблемы армянской юрисдикции¹⁹. А возникали они большей частью по вине львовских райцев, которые, стараясь игнорировать даже ограниченную армянскую юрисдикцию, вмешивались почти во все армянские дела. Король еще раз повторил четыре статьи, которые относились исключительно к городской юрисдикции, установил, что в армянском суде рядом с председательствующим городским войтом может заседать шесть армянских старших, и налагал штраф на возможного нарушителя декрета в 200 гривен.

Разногласия между городской и армянской юрисдикцией обнаруживались и в других вопросах. Часть львовских армян, используя преимущества городского магдебургского права, которое обеспечивало лучшие условия для проведения торговой деятельности, освобождало от уплаты определенных налогов и таможенных пошлин, переходила в городское право путем получения специальных грамот-привилегий. Старшие армянской общины боролись против такой практики, ведь тогда налоги, которые налагались на общину, распределялись между ее членами неравномерно, так как армяне, перешедшие в городское право, уклонялись от их уплаты. Поэтому старшие армянской общины ходатайствовали об уравнивании в налогах всех армян без различия в юрисдикционной принадлежности. Сохранилось несколько королевских декретов, где на всех армян любой юрисдикции налагалась солидарная ответственность при уплате налогов²⁰.

Но “бегство” из армянской в более защищенную городскую магдебургскую юрисдикцию продолжалась и в последующем. В 1561 г. армяне выхлопотали еще один королевский указ об обязательстве всех армян повиноваться армянской юрисдикции и “все бремя равномерно со всеми нести”²¹.

Кроме армянской юрисдикции в средместье Львова, своим правом пользовались армяне, которые жили на Подзамче, на территории свято-иоанновского деканата, вокруг храма Св. Ивана Крестителя. За привилегией Владислава II от 3 апреля 1415 г. все жители этого деканата, не только армяне, но и другие переходили в армянское право²². С того времени все судебные дела в этой общине решались перед войтом армянского права, который был ответственен перед католическим каноником и священником хра-

ма Св. Иоанна Крестителя. В отличие от армян средмества, войт армянского права на святоиоанновском деканате не имел соперников, которые бы пытались упразднить его учреждение²³. Но общину армянского права в деканате образовывали не только армяне, но и украинцы, поляки и другие жители деканата, поэтому войтом избирался также неэтнический армянин²⁴. Отдельную юрисдикцию жителей деканата в XV в. несколько раз подтвердили местные и центральные достойники, а в 1491 г. существующую правовую ситуацию санкционировал король Казимир IV²⁵.

В конце XV в. львовские райцы ощутили возрастающую конкуренцию со стороны купцов армян, украинцев и евреев, которые жили как в городских предместьях, так и в юридиках, не подчиненных городскому праву: в деканате св. Иоанна Крестителя и на Подзамче²⁶. В 1497 г. райцы выхлопотали три одинакового содержания королевских декрета, по которым этим купцам запрещалась любая торговля²⁷. В ответ львовский католический декан, которому подлежала святоиоанновская юридика, постарался получить грамоту, выданную 2 января 1498 г. райцам многих галицких городов: Перемышля, Самбора, Жидачева, Стрия и других, в которой они утверждали о существовании в деканате ежегодной ярмарки и еженедельных торгов, право торговли²⁸.

С помощью королевских привилегий и декретов львовские армяне старались утвердить и внедрить в жизнь своей общины и при взаимоотношениях с представителями других наций некоторые собственные правовые нормы. Декретом Владислава III от 1434 г. защищалось беспрепятственное выполнение армянами завещаний последней воли, чтобы им никто “местный или чужеземец не отваживался и не смел препятствовать”²⁹. В документе того же короля от 1444 г. регулировались проблемы, которые возникали во время торговли невольниками, которых армяне могли покупать на черноморских рынках³⁰. Очевидно, во Львове бывали случаи самовольного освобождения таких невольников без согласия армян, поэтому король запретил это делать. В случае добровольного желания окреститься, выказанного невольником, его можно было выкупить за сумму, которую израсходовал армянин при его продаже³¹. Также, если член армянской общины проявил желание принять католическую веру, армяне не имели права противодействовать его намерению. В этом же документе Владислава III, касающегося многих вопросов экономической и религиозной жизни, делалось предостережение против самовольного вхождения королевских подданных в помещения армянского епископа и армянских старших.

1518 г. оказался переломным в отношениях львовских армян и новой католической властной верхушки³². Разногласия между ними заострились максимально, когда городской суд осудил к сожжению на штабеле дров армянина Ивашко Тихновича за связь с женщиной-католичкой³³. Приговор был вынесен судом без права обжалования, причем на смерть была осуждена также женщина-католичка по имени Софья, которая была служанкой у Ивашко Тихновича³⁴. Королевский декрет в этом деле был неблагосклонен к райцам, которые должны были уплатить 200 гривен в королевскую каз-

ну, а также по 20 грошей каждому армянину-хозяину из средместья. Но главным правовым итогом этого кровавого дела для армян был королевский указ перевести на “русский”, то есть украинский, или латинский язык свое армянское право, которое они должны были представить королю на сейме в следующем году.

Правовой кодекс, который подали армяне на утверждение королю Сигизмунду I и который был подтвержден 5 марта 1519 г., в литературе получил название “Армянского Судебника 1519 г.”³⁵ Большинство его статей базировалось на армянском средневековом “Судебнике” XII-XIII в. авторства Мхитара Гоша, Старом и Новом Завете, каноническом и магдебургском праве³⁶. В судебнике широко регулировались правовые отношения церковного, брачного, криминального, финансово-экономического, гражданского характера³⁷. Некоторая часть статей была переработана с учетом новых правовых отношений, которые сложились в Львове. В случае, если статьи значительно отличались от принятых в польском праве аналогов, в Судебнике 1519 г. давалась уточняющая заметка: это постановление касается армян, и его следует понимать так-то. Армянский судебник 1519 г. как полноценный и многофункциональный правовой кодекс³⁸, предусматривавший решение разнообразных правовых ситуаций, казалось, должен был бы положить конец спорам во Львове между армянами и городской властью³⁹.

Тем не менее, сразу же “возник новый повод для вопросов и споров”, и в 1523 г. король выдал новый декрет⁴⁰. Оскорбленной стороной оказался городской совет: ведь армяне после принятия судебника 1519 г. перестали принимать свидетельства “христиан католического и православного обрядов” в своих судах, ревизировали некоторые положения декрета 1510 г., решив вписывать трансакции с недвижимостью в книги своего армянского права и принимали на себя решения некоторых уголовных преступлений, которые совершали армяне. Королевский декрет снова подтвердил основные положения декрета 1510 г., еще раз утверждая компромиссный характер армянского права во Львове: наряду с армянской составной действовали и нормы магдебургского права.

В 1549 г. армяне получают привилегию о неподчинении другим судам, кроме суда собственного армянского права, в котором должен был заседать войт городского магдебургского суда и старшие армянской общины⁴¹. Эта грамота усилила армянскую юрисдикцию в городе как автономную по своему характеру. Тем не менее, в XVI в. возникали все новые и новые причины и основания для судебных баталий и споров между городской католической и армянской общинами. Польский король Сигизмунд Август в 1563 г. попытался своим декретом снять все напряженные моменты в этом взаимном противостоянии⁴². Но ситуация обострилась после ареста армянского старшего Тома Стецковича на том основании, что он, “будучи трижды вызван, отказывался прийти к райцам”. Кроме этого, райцы ударили по экономическим интересам армян, наложив арест на их товары.

В разгоревшемся судебном деле армяне перечислили другие претензии к магистрату: “им запрещают львовские бургомистр, райцы, войт и лавники производить суды о недвижимом имуществе; точно так же не разрешают им судить дела о ранениях; запрещают покупку недвижимых владений в городе и в предместье; не разрешают армянских собраний; армянских старших, число которых увеличено свыше 6 [...] запрещают избирать”. Во всех этих вопросах армяне старались ревизовать в свою пользу предшествующие королевские решения, “перетянув” под армянское право решения важных вопросов, в особенности дел о недвижимости и уголовных преступлениях. В королевском декрете четко выдержано правовую линию предшествующих декретов Сигизмунда I, решение дел о недвижимости и уголовных преступлениях оставлено за городским судом, однако армянам разрешалось в армянском суде вести дела о недвижимости, если наследование по их праву отличалось бы от магдебургского. Введение во владение недвижимостью также решено компромиссно: его проводил городской войт вместе с двумя присяжными армянами. В пользу армян решен вопрос о расширении представительства армянских старших – с 6 до 12. Арест райцами Тома Стецковича также не одобрялся, как и задержка товара армянских купцов.

В этом же декрете внедрялась новая правовая регламентация относительно соблюдения порядка в городе и относительно обороны города. Во времена военной опасности и естественных бедствий (пожар, чума и др.) райцы получали право арестовывать армян-нарушителей и налагать на них штрафы. В связи с этим интересно внимание и подозрение городских католических властей к собраниям, “которые люди другой нации и обряда проводят”. Подобная ситуация возникла перед раецким судом в 1538 г., но относительно украинцев-русинов, которых также обвиняли, что “тайно имеют собрания и там выбирают между собой бурмистров и райцев”⁴³.

Подобные элементы правового устройства в украинской и армянской общинах замечаем на примере привилегии 1569 г.⁴⁴ Сигизмунд Август подтвердил старшим и всей армянской общине Львова право патроната, то есть распоряжение, управление имуществом армянского монастыря Св. Анны. Эта привилегия армянской общиной была получена в споре с армянским епископом, который стремился получить не только церковную, но всю полноту власти над этим монастырем. В это же время украинская община защищает свое право патроната относительно Уневского монастыря в королевских судах со львовским православным епископом⁴⁵. Как видим, светский фактор в жизни обеих общин в XVI в. был достаточно мощным.

1578 г. принес армянам уравнивание во всех правах с доминирующей в политической жизни католической нацией⁴⁶. За привилегией польского короля Стефана Батория армяне должны были пользоваться теми же законами и вольностями, что и польские мещане, как при торговле сукном и разными алкогольными напитками, так и занимаясь разными ремеслами или вступая в ремесленные цеха. Также полностью сохранялись предшествующие права на автономную армянскую юрисдикцию. Возражение городских властей, “что армяне, ввиду отличия в языке и религии, не являются

нам равными и только [...] в определенные границы вольностей включены”, не были взяты во внимание королевским судом. Очевидно, король в данном случае больше заботился об увеличении государственных доходов, которые могли принести предприимчивые армяне, получив обещанные в привилегии торгово-экономические льготы.

Привилегия об уравнивании в правах действовала свыше 20 лет, но городская власть стремилась любыми способами отменить действие этого документа, который “ущемлял” права мещан-католиков. Удалось это сделать в 1600 г. с помощью декрета Сигизмунда III⁴⁷. Привилегия короля Стефана Батория формально подтверждалась, однако вписывались такие уточнения, которые фактически отменяли ее действие во многих положениях. Так, сохраняя право свободной торговли, декрет определял армянам только два магазина для торговли тканями. И вдобавок эта ткань должна быть большей частью дорогих сортов, которые можно было продавать в розницу, а продажа более дешевых тканей в розницу армянам запрещалась (кроме времени закрытия торговли с Турцией вследствие военных действий). Также ограничивалась продажа армянами алкогольных напитков: в двух домах, определенных армянскими старшими, можно было торговать вином, в трех – медом, в четырех – пивом. Смехотворно маленьким устанавливалось и количество ремесленников-армян, которые могли вступать к ремесленные цеха: по два портных, сапожника, скорняка и один художник.

Одновременно с этим декретом в королевских судах был принят другой ограничивающий декрет Сигизмунда III относительно количества домов, разрешенных армянам для проживания и владения в средместье Львова⁴⁸. Владеть по наследственному праву армянам можно было 73 домами (“каменницами”), без включения в это число общественных и церковных сооружений армянской общины и еще трех недавно купленных домов. Тем не менее, армяне могли беспрепятственно выкупать недвижимость у евреев города. На центральной площади Рынок – как в наиболее престижном районе города – армяне должны были продать каменницы и больше их не покупать. В 1640 г. армянские старшие королевской грамотой подтверждают раецкое постановление от 1574 г. о разрешении армянам средместья покупать недвижимость во львовских предместьях. Очевидно, возникла насущная необходимость расширения территории проживания армян, которым было тесно в рамках определенных им 73 домов в самом городе.

После издания привилегии королем Стефаном Баторием 1578 г. об уравнивании армян в правах в привилегиях конца XVI – начала XVII в., которые получают львовские армяне, доминирует экономическая проблематика. В 1622 г. армяне протестуют против введения нового налога во Львове под названием “штукового” – привилегии, которую магистрат получил без их согласия⁴⁹. Армяне получили право не платить этот новый налог⁵⁰. В 1642 г. Владислав IV освобождает львовских армян от уплаты таможенных пошлин на ввоз и вывоз товаров из королевства с таким условием, чтобы таможенники записывали провезенные через границу товары в реестры⁵¹.

В 1651 г. во время Освободительной войны под предводительством Богдана Хмельницкого армянская община снова расширяет свои торговые права. Фактически по привилегии польского короля Яна Казимира любые ограничения на торговлю армянами были сняты, им можно было продавать разные ткани и напитки оптом или в розницу, открывать магазины⁵². Через три года, в 1654 г., Ян Казимир снова подтверждает права армянских купцов во Львове, связывая их с принятием Львовской епархией армянской церкви в 1630 г. церковной унии с Католической церковью⁵³. Тем не менее, и в этой привилегии ощущались моменты неполного равноправия армянской общины. Так, продавать ткани оптом или в розницу можно было лишь в пяти магазинах, увеличивалось с 73 до 83 количество домов, которыми могли владеть армяне в городе. Этих десять новых домов можно было купить на площади Рынок с разрешением арендовать их определенное время перед выкупом. Относительно изготовления алкогольных напитков королевский декрет также вносил определенное ограничение: в одном доме разрешалось торговать только одним видом напитка (вином, медом, пивом или водкой). Не вполне равноправны были и армянские ремесленники. Хотя они и получили право вступать в любой цех, тем не менее только по два мастера для каждого вида ремесла. По просьбе старших армянской общины король запретил принимать в городское право армян-пришельцев. Предоставление им городского права могло происходить только по рекомендации львовских армянских старших.

С начала XVII в. прерогативы армянских старших в собственной общине и в городской общине заметно возрастают. В 1616 г. король Сигизмунд III, ссылаясь на предшественников, отдает всех армян под юрисдикцию армянских старших⁵⁴. Она распространялась не только на налоговые обязательства армян, но и на другие внутренние вопросы. Все принятые руководителями общины решения должны были поддерживаться, а в случае несогласия или ослушания старшие могли наказывать несогласных членов общины заключением в тюрьму или денежными штрафами.

Важными для армянских старших и общины вообще были королевские привилегии, которые включали представителей армянской общины в контрольные органы города. В 1678 г. армянские старшие⁵⁵ добились автономности двух своих представителей в комиссии, которая занималась оценкой недвижимости при уплате налогов⁵⁶. Теперь два армянских старших оценивали имущество только членов своей общины, не вмешиваясь к оценке имущества представителей других национальных общин. Это облегчило положение армян во Львове, ведь до этого времени польские оценщики недвижимости, пользуясь в комиссии большинством голосов, налагали на неполяков большие налоги.

В 1678 г. старшие армянской нации получили от короля Яна III Собеского привилегию, по которой по меньшей мере 4 армянина могли вступить в престижное католическое стрелецкое братство⁵⁷. Но важнейшим положением этой грамоты было освобождение армянских райцев, так называемых армянских старших, очевидно, по их желанию, от уплаты налогов с их не-

движимости. Однако католический магистрат не хотел принимать элиту армянской нации в свой круг, заявляя, что “армянская нация к выполнению стрелецкого ремесла не способна”.

Судебные распри между магистратом и армянской нацией вылились в арест на праздник Пасхи армянских старших, опечатывание их товара, наложение городскими райцами на армян несправедливых налогов для ведения процесса против них же. В 1686 г. король Ян III выдал большой по объему декрет, где в который раз регулировались правовые взаимоотношения между магистратом и армянами⁵⁸. По этому декрету армянские старшие стали носить название “армянских судий” с запретом называться райцами или старшими, им снова было подтверждено право вступать в стрелецкое братство. 12 армянских судий поочередно: 6 судий на один год, 6 других – на второй год, освобождались от уплаты налогов с их домов. Важными для армян были решения о введении одного армянина в “комиссию десяти” для заслушивания отчетов и финансовых счетов магистрата и включения в комиссию оценки недвижимости уже не двух, а трех представителей армянской общины⁵⁹.

После вынесения декрета 1686 г. и фиксирования правовых взаимоотношений армянская община еще дважды получала подтверждение своих прав – в 1697 и 1736 гг.⁶⁰ На протяжении второй половины XVII-XVIII в. львовская армянская элита и община, которая становится все меньше, почти полностью ассимилируются, а потому фактически исчезает почва для правовых коллизий.

* * *

Обзор привилегий, предоставленных армянской общине Львова, позволяет сделать выводы сравнительного характера об особенностях экономической, социальной жизни общины, приоритетах во внутренней организации, правовых взаимоотношениях с общественными институтами (королевская власть, церковь) и другими общинами в городе.

Среди больших украинских и польских городов XIV-XVIII вв. только немногие (Львов, Станислав, Каменец-Подольский и некоторые другие) стали центрами этнического самоуправления сожительствующих общин. Во Львове таких национальных общин было четыре: украинцы-русины, поляки, армяне и евреи, которые пользовались правовой автономией. Другие этнические группы (немцы, татары, греки, итальянцы и др.), также проживавшие в городе, не были субъектом правовых взаимоотношений с королевской властью и сравнительно быстро ассимилировались.

Начало правового регулирования все общины вели от предоставления Львову магдебургского права Казимиром III в 1356 г. Вследствие издания этого документа, кроме создания привилегированной католической общины, предполагалось существование автономий национальных общин, которые жили во Львове еще со времен Галицко-Волынского княжества.

Армянская община благодаря экономическому влиянию в городе и активному участию в восточной торговле, которая приносила большие прибыли, сумела создать сильную правовую автономию во Львове в виде ар-

мянского войтовства. Хотя в 1469 г. в борьбе с городским магистратом должность армянского войта как отдельный судебный институт была упразднена, однако армянская автономия сохранилась в виде “смешанных” судов, которые состояли из городского войта и армянских старших. В XVI-XVII в. армянская община защищала собственную автономию от попыток городской власти подчинить себе юрисдикцию над армянским населением.

В конце XVII в. армяне получили фактическое уравнивание во всех правах с польским католическим населением Львова, однако это, как это ни парадоксально, привело не к расцвету армянской общины и их национальной культуры, а к ассимиляции армян в польской среде.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Archiwum Główne Akt Dawnych.— Metryka Koronna. — N 187. — K. 139-139v. Грамота на латинском языке была впервые опубликована в первой половине XIX в.: *F. Z[achariasiewicz]. Wiadomość o Ormianach w Polsce // Biblioteka Narodowego Zakładu im. Ossolińskich. — Lwów, 1842. — Т. 1. — S. 71.*

² *Дашкевич Я. Р.* Грамота Федора Дмитриевича 1062 р. (нарис з української дипломатики) // Науково-інформаційний бюлетень Архівного управління УРСР. — К., 1962. — № 4. — С. 9-20. Полемику армянского ученого В. Микаеляна по этому поводу см.: *Микаелян В. А.* К вопросу о грамоте князя Федора Дмитриевича // Археографический ежегодник за 1964 год. — Москва, 1965. — С. 11-18.

³ *Balzer O.* Sądownictwo ormiańskie w średniowiecznym Lwowie // Studya nad historią prawa polskiego. — Lwów, 1909. — Т. IV. — Z. 1. — S. 9.

⁴ *Капраль М.* Привілей 1356 р. як повторне надання магдебурзького права для міста Львова // Львів: місто, суспільство, культура. Т. 3 / Вісник Львівського університету. Серія історична. Спеціальний випуск. — Львів, 1999. — С. 11-21.

⁵ *Дашкевич Я. Р.* Давній Львів у вірменських та вірменсько-кипчацьких джерелах // Україна в минулому. — Київ-Львів, 1992. — Вип. 1. — С. 8-11.

⁶ Привілеї національних громад міста Львова XIV-XVIII ст. Збірник документів / Monumenta Leopoldina (Львівські історичні пам'ятки) / Упор. М. Капраль. — Львів, 2000. — Т. 2 (дальше — Привілеї, т. 2). — № 34-35.

⁷ Привілеї, т. 2. — № 36.

⁸ Привілеї, т. 2. — № 37. Д. Зубрицкий по ошибке отнес издания этой привилегии к 1421 г. (см.: *Zubrzycki D.* Kronika miasta Lwowa. — Lwów, 1844. — S. 85), очевидно, он пользовался кодексом Йоганна Альнпека, где также помещен этот документ после записи событий из истории Львова в 1421 г., но записи в этом кодексе не систематизированы хронологически (Центральний державний історичний архів України у м. Львові. — Ф. 52, оп. 2, спр. 1153, арк. 34).

⁹ Привілеї, т. 2. — № 56.

¹⁰ Привілеї, т. 2. — № 57-58.

¹¹ *Balzer O.* Sądownictwo ormiańskie w średniowiecznym Lwowie. — S. 18-19.

¹² Привілеї, т. 2. — № 42.

¹³ Там же. – № 60, 68, 70.

¹⁴ Детальный ход конфликта описан в: *Balzer O. Sądownictwo ormiańskie w średniowiecznym Lwowie.* — S. 100-137.

¹⁵ Привілеї, т. 2. – № 46.

¹⁶ Там же. – № 48.

¹⁷ Там же. – № 49, 53.

¹⁸ Там же. – № 59.

¹⁹ Там же. – № 64.

²⁰ Там же. – № 40, 48.

²¹ Там же. – № 81.

²² Там же. – № 38.

²³ Книги войтовского и войтовско-лавничего суда армянского права в святоиоанновском деканате сохранились с начала XVII в., см.: *Капраль М.* Джерела до історичної демографії та соціотопографії Львова XVI-XVII ст. у варшавських архівних збірках // Матеріали засідань Історичної та Археологічної комісії НТШ в Україні. – Львів, 1999. – Вип. 2 (1995-1997 рр.) – С. 202.

²⁴ В XVII в. армяне средместья владели одной собственной юридикой в предместье, которая называлась Бискупщиной, акты этой юрдики с первой половины XVIII в. см.: Львівська наукова бібліотека ім. В. Стефаника НАН України. – Відділ рукописів. – Ф. 5 (Оссолінських), оп. 1, спр. 1725, арк. 1-14. Подробнее об источниках этой категории см.: *Дашкевич Я. Р.* Адміністративні, судові й фінансові книги на Україні в XIII-XVIII ст. (Проблематика, стан і методика дослідження) // Історичні джерела та їх використання. – К., 1969. – Вип. 4. – С. 129-171.

²⁵ Привілеї, т. 2. – № 52.

²⁶ В декрете, направленном против купечества на Подзамче, не упоминалось об армянах (Привілеї, т. 2. – № 113), хотя они в конце XV в. обычно жили там и имели своего войта, который подчинялся львовскому старосте, см.: *Balzer O. Sądownictwo ormiańskie w średniowiecznym Lwowie.* — S. 170.

²⁷ Там же. – № 54-55, 113.

²⁸ *Akta Grodzkie i Ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z archiwum tak zwanego Bernardyńskiego we Lwowie.* — Lwów, 1883. — Т. IX. — S. 162-163.

²⁹ Там же. – № 39.

³⁰ Упоминания о перевозке итальянскими купцами невольников через Львов в XV в. см.: *Łoziński W.* Patrycyat i mieszczaństwo lwowskie w XVI-XVII wieku. — Lwów, 1890. — S. 38. Итак, работоторговлей могли заниматься также армяне, которые вели активную торговлю на черноморских рынках.

³¹ Привілеї, т. 2. – № 43. Свидетельство современника о невольничестве в середине XV в. в Крыму и причерноморских землях см.: *Галенко О.* Крим у 1438 р. (Подорожні нотатки Перо Тафура) // Україна в минулому. – Київ-Львів, 1996. – Вип. 8. – С. 176-190.

³² После подчинения турками черноморских портов Кафы, Килии, Белгорода и др. и закрытия торговых путей далее на Восток катастрофически теряет силу купеческий, в основном немецкий, патрициат Львова, ко-

торый массово беднеет (*Łoziński W. Patrycyat i mieszczanństwo lwowskie w XVI-XVII wieku.* — S. 39, 41). Поэтому в конце XV – начале XVI в. происходит смена власти патрициатских семей (*Skoczek J. Studia nad patrycjatem lwowskim wieków średnich // Pamiętnik Historyczno-Prawny.* — Lwów, 1929. — Т. 7. — Zesz. 5. — S. 233-234), львовская властная верхушка становится более польской по этническому составу и начинает борьбу за пожизненность своих раецких должностей.

³³ Привілеї, т. 2. — № 66.

³⁴ *Zubrzycki D. Kronika miasta Lwowa.* — Lwów, 1844. — S. 141.

³⁵ Привілеї, т. 2. — № 67. В историко-правовой литературе рассматриваются многие подробности происхождения, содержания и источниках армянского устава 1519 г., см.: *Balzer O. Statut ormiański w zatwierdzeniu Zygmunta I z r. 1519.* — Lwów, 1910; *Кульчицкий В. С. Армянский “Судебник” Гоша и его применение во Львове // Исторические связи и дружба украинского и армянского народов. Сборник материалов второй украинско-армянской научной сессии.* — К., 1965. — С. 145-150.

³⁶ *Balzer O. Statut ormiański w zatwierdzeniu Zygmunta I z r. 1519.* — S. 7.

³⁷ Детальную характеристику судебного 1519 г. см.: *Balzer O. Statut ormiański w zatwierdzeniu Zygmunta I z r. 1519.* — Lwów, 1910.

³⁸ В дополнение к Судебнику 1519 г. в XVI в. был составлен “Порядок судов и дел армянского права”, однако он не был утвержден королевской властью, см.: *Balzer O. Porządek sądów i spraw prawa ormiańskiego z r. 1604.* — Lwów, 1912. — S. 5.

³⁹ Издатель и исследователь армянского судебного 1519 г. польский историк права О. Бальцер насчитал 26 копий и списков XVI-XIX в. этого кодекса, что засвидетельствовало широкое распространение и активное пользование Статутом не только во Львове, но и в других городах, где были армянские общины: Каменце, Станиславе, Замостье и др., см.: *Corpus Iuris Polonici annos 1506-1522 continens. Typis mandavit adnotationibus O. Balzer.* — Cracoviae, 1906. — Vol. 3. — Pars 1. — P. 401-426.

⁴⁰ Привілеї, т. 2. — № 72.

⁴¹ Там же. — № 79.

⁴² Там же. — № 82.

⁴³ *Крип'якевич І. Львівська Русь в першій половині XVI ст. / Львівські історичні праці. Джерела.* — Львів, 1994. — Вип. 2. — С. 63.

⁴⁴ Привілеї, т. 2. — № 83.

⁴⁵ *Monumenta Confraternitatis Stauropigianae Leopoliensis sumptibus Instituti Stauropigiani edidit dr. Wladimirus Milkowicz.* — Leopoli, 1895. — P. 21-22, 25-31.

⁴⁶ Привілеї, т. 2. — № 86. В этом же 1578 г. украинцы, наоборот, были лишены привилегии в уравнении в правах с католической нацией Львова (Привілеї, т. 2. — № 6).

⁴⁷ Там же. — № 88.

⁴⁸ Там же. — № 89.

⁴⁹ Публикацию городской привилегии 1622 г. см.: Привілеї міста Львова XIV-XVIII ст. Збірник документів / *Monumenta Leopolitana (Львівські історичні пам'ятки).* — Львів, 1998. — Том 1. — С. 417-419.

⁵⁰ Привілеї, т. 2. – № 91.

⁵¹ Там же. – № 95.

⁵² Там же. – № 97.

⁵³ Там же. – № 99.

⁵⁴ Там же. – № 90.

⁵⁵ Характеристику таких важных документов по истории армянской общины в Львове, как протоколы заседаний армянских старших, см.: *Дашкевич Я. Р.* Армянское самоуправление во Львове в 60-80-х гг. XVII в. (Протоколы армянского совета старейшин как исторический источник) // Банбер Матенадарани / Вестник Матедарана. – Ереван, 1969. – № 9. – С. 213-240.

⁵⁶ Привілеї, т. 2. – № 103.

⁵⁷ Там же. – № 104.

⁵⁸ Там же. – № 105.

⁵⁹ Только в этом правовом документе фиксировалось вхождение также двух представителей украинской общины в комиссию по оценке недвижимого имущества.

⁶⁰ Привілеї, т. 2. – № 106-107.